

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

К. Пластовский
Т. Скребицкий
К. Ушинский
В. Бианки

рассказы о природе

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Рассказы о природе

Художник
Владимир Черноглазов

КОНСТАНТИН УШИНСКИЙ

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

– Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была!

– Запиши своё желание в мою карманную книжку, – сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

– Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

– Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было!

И это желание Мити было записано в ту же книжку. Наступила осень. В саду собирали плоды – румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

– Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

– Знаешь ли что? – сказал брат сестре. – В школу мы ещё успеем. В школе теперь душно и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички, а белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуку в траву, взяли за руки и скрылись между зелёными кустами, под кудрявыми берёзами. В роще точно было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жучка.

– Поиграй-ка с нами, – сказали дети жучку.

– С удовольствием бы, – отвечал жук, – но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

– Поиграй с нами, – сказали дети жёлтой, мохнатой пчеле.

– Некогда мне играть с вами, – отвечала пчёлка, – мне нужно собирать мёд.

– А ты не поиграешь ли с нами? – спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить своё хитрое жильё.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними, но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму. Голубь сказал: «Строю гнездо для своих маленьких деток».

Серенький зайчик бежал к ручью умыться свою мордоч-

ку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми: он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

– Тебе уж верно нечего делать, – сказали ему дети. – Поиграй же с нами.

– Как! Мне нечего делать? – прожурчал сердито ручей. – Ах вы ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю и днём и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет бельё, вертит мельничные колёса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идёт кругом, – прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало ещё скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик приметил на зелёной ветке крошечную, красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превесёлую песенку.

– Эй ты, весёлый запеваля! – закричал малиновке мальчик. – Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать: поиграй же с нами.

– Как? – просвистала обиженная малиновка. – Мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток! Я так устала, что не могу поднять крыльев, да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаєте по ро-

ще, да ещё мешаете другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал всё, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно; они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ПРОКАЗЫ СТАРУХИ ЗИМЫ

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху¹ забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать, – накинулась на зверей. Запорошила снегом поле, завалила сугробами леса;

¹ Стреха, застреха – нижний край крыши, образующий навес.

одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы спрятались; белка в дупле орешки грызёт; медведь в берлоге лапу сосёт; зайнышка прыгаючи греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима – до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же, – думает зима, – дойму я людей», – и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах, стучат и в стены, и в двери, так, что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потапывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки – и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на санках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снега, давай тереть, – и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалеко!

ГЕОРГИЙ СКРЕБИЦКИЙ

ЛЕСНОЕ ЭХО

Мне было тогда лет пять или шесть. Мы жили в деревне.

Однажды мама пошла в лес за земляникой и взяла меня с собой. Земляники в тот год уродилось очень много. Она росла прямо за деревней, на старой лесной вырубке.

Как сейчас, помню я этот день, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет. День был по-летнему солнечный, жаркий. Но только мы подошли к лесу, вдруг набежала синяя тучка, и из неё посыпался частый крупный дождь. А солнце всё продолжало светить. Дождевые капли падали на землю, тяжело шлёпались о листья. Они повисали на траве, на ветвях кустов и деревьев, и в каждой капле отражалось, играло солнце.

Не успели мы с мамой стать под дерево, как солнечный дождик уже кончился.

– Погляди-ка, Юра, как красиво, – сказала мама, выходя из-под веток.

Я взглянул. Через всё небо разноцветной дугой протя-

нулась радуга. Один её конец упирался в нашу деревню, а другой уходил далеко в заречные луга.

– Ух, здорово! – сказал я. – Прямо как мост. Вот бы по нему пробежаться!

– Ты лучше по земле бегай, – засмеялась мама, и мы пошли в лес собирать землянику.

Мы бродили по полянам возле кочек и пней и всюду находили крупные спелые ягоды.

От нагретой солнцем земли после дождя шёл лёгкий пар. В воздухе пахло цветами, мёдом и земляникой. Потянешь носом этот чудесный запах – будто какой-то душистый, сладкий напиток глотнёшь. А чтобы это ещё больше походило на правду, я срывал землянику и клал её не в корзиночку, а прямо в рот.

Я бегал по кустам, стряхивая с них последние дождевые капли. Мама бродила тут же неподалёку, и поэтому мне было вовсе не страшно заблудиться в лесу.

Большая жёлтая бабочка пролетела над полянкой. Я схватил с головы кепку и помчался за ней. Но бабочка то спускалась к самой траве, то поднималась вверх. Я гонялся, гонялся за ней, да так и не поймал – улетела куда-то в лес.

Совсем запыхавшись, я остановился и огляделся кругом. А где же мама? Её нигде не было видно.

– Ау! – закричал я, как, бывало, кричал возле дома, играя в прятки.

И вдруг откуда-то издали, из глубины леса, послышалось ответное: «Ау!»

Я даже вздрогнул. Неужели я так далеко убежал от мамы? Где она? Как же её найти? Весь лес, прежде такой весёлый, теперь показался мне таинственным, страшным.

– Мама!.. Мама!.. – что было сил завопил я, уже готовый расплакаться.

«А-ма-ма-ма-ма-а-а-а!» – будто передразнил меня кто-то вдали. И в ту же секунду из-за соседних кустов выбежала мама.

– Что ты кричишь? Что случилось? – испуганно спросила она.

– Я думал, ты далеко! – сразу успокоившись, ответил я.
– Там в лесу кто-то дразнится.

– Кто дразнится? – не поняла мама.

– Не знаю. Я кричу – и он тоже. Вот послушай! – Ия опять, но уже храбро крикнул: – Ау! Ау!

«Ау! Ау! Ау!» – отозвалось из лесной дали.

– Да ведь это эхо! – сказала мама.

– Эхо? А что оно там делает?

– Ничего не делает. Твой же голос отдаётся в лесу, а тебе кажется, что кто-то тебе отвечает.

Я недоверчиво слушал маму. Как же это так: мой же голос – и мне отвечает, да ещё когда я уже сам молчу? Я опять попробовал крикнуть:

– Иди сюда!

«Сюда-а-а-а!» – откликнулось в лесу.

– Мама, а может, там всё-таки кто-нибудь дразнится? – нерешительно спросил я. – Пойдём-ка посмотрим.

– Вот глупый какой! – засмеялась мама. – Ну пойдём, если хочешь, только никого мы с тобой не найдём.

Я взял маму на всякий случай за руку – кто его знает, что это за эхо! – и мы пошли по дорожке в глубь леса. Изредка я покрикивал:

– Ты здесь?

«Зде-е-е-сь!» – отвечало впереди.

Мы перебрались через лесной овраг и вышли в светлый берёзовый лесок. Тут было совсем не страшно.

Я отпустил мамину руку и побежал вперёд.

И вдруг я увидел «эхо». Оно сидело на пеньке спиной ко мне. Всё серое, в серой лохматой шапке, как леший с картинки из сказок. Я вскрикнул и бросился назад к маме:

– Мама, мама, вон эхо на пеньке сидит!

– Что ты всё глупости говоришь! – рассердилась мама. Она взяла меня за руку и храбро пошла вперёд.

– А оно нас не тронет? – спрашивал я.

– Не дури, пожалуйста, – ответила мама. Мы вышли на полянку.

– Вон, вон! – зашептал я.

– Да это же дедушка Кузьма коров пасёт!

Услышав мамин голос, «эхо» обернулось, и я увидел знакомую белую бороду, усы и брови, тоже белые, как из ваты, будто их нарочно приклеили к загорелому, сморщенному, как печёное яблоко, лицу.

– Дедушка, а я думал, ты – эхо! – закричал я, подбегая к старику.

– Эхо? – удивился тот, опуская деревянную дудочку – жалейку, которую он выстругивал ножом. – Эхо – это, милый, не человек. Это лесной голос.

– Как – лесной голос? – не понял я.

– А так. Ты крикнешь в лесу, а он тебе и откликнется. Каждое деревце, каждый кустик отзвук даёт. Вот послушай, как мы с ними переговариваемся.

Дед поднял свою дудочку – жалейку – и заиграл нежно, протяжно. Он играл, словно напевал какую-то грустную песенку. А где-то далеко-далеко в лесу ему вторил другой такой же голос.

Подошла мама и села на соседний пенёк. Дедушка кончил играть, и эхо тоже кончило.

– Вот, сынок, слышал теперь, как я с лесом перекликаюсь? – сказал старик. – Эхо – это самая душа леса. Что птица свистнет, что зверь закричит – всё тебе передаст, ничего не скроет. А ты ходи по лесу да слушай его. Оно тебе всю лесную тайну откроет.

Так я тогда и не понял, что же такое эхо.

Но зато на всю жизнь полюбил его, полюбил, как таинственный голос леса, как песню жалейки, как старую детскую сказку.

И теперь, через много-много лет, только услышу эхо в лесу – сразу вспоминается мне: солнечный день, берёзы, полянка и посреди неё на старом пне что-то лохматое, серое. Может, это наш деревенский пастух сидит, а может, и не пастух, а сказочный дедушка-леший. Сидит он на пеньке, строгаёт кленовую дудочку – жалейку. А потом будет играть на ней в тихий вечерний час, когда засыпают деревья, трава и цветы, медленно из-за леса выбирается рогатый месяц и наступает летняя ночь.

ДЛИННОНОСЫЕ РЫБОЛОВЫ

– Хорошее занятие рыбная ловля! Иной раз хоть и ничего не поймаете, зато посидишь на берегу, на солнышке, да понаблюдаешь, что вокруг творится. Только одно условие: сидеть нужно тихо.

Прошлым летом пошёл я на речку за окунями. Рыба никак не клюёт. Стой, думаю, мы тебя перехитрим. Не хочешь на червяка браться, другую приманку предложим.

Снял я свою соломенную шляпу и тут же на отмели наловил ею, как сачком, мальков.

А вот хранить мне их не в чем: ведёрко-то я дома забыл. Не беда.

Выкопал в песке у самой реки ямку – вода в неё сразу же набралась – и пустил туда рыбок. Отличный «аквариум» получился.

Двух мальков вместо червей на крючки насадил. Попробуем: не будет ли окунь на эту насадку браться. Опять жду, и опять ничего не клюёт. Я даже слегка задремал под кустом.

Вдруг вижу – летит над речкой зимородок. Птица такая, немножко побольше воробья. Очень красивая птица: брюшко оранжевое, спинка ярко-зелёная, а нос длиннущий, прямой, как палочка. Им зимородок без промаха мелких рыбёшек хватает.

Подлетел зимородок к моим удочкам и уселся прямо на удилище. Меня и не замечает, сидит, в воду поглядывает.

Потом кинулся вниз, да не в речку, а прямо в мой «аквариум», выхватил оттуда рыбёшку и опять на удилище сел. Проглотил, отряхнулся, второй раз туда же – нырять. Поймал другую рыбку, есть не стал, а улетел с нею куда-то.

Эх, жалко, пусть бы ещё половил, уж очень он занятный. А мальки мне всё равно ни к чему: и на них окуни не берутся.

Только я об этом подумал, гляжу, а мой длинноносый рыбак уж опять тут как тут, да не один: второй следом за ним явился – птенец, ещё как следует летать не умеет.

Уселись оба рядышком на удилище. Потом «старый рыбак» нырнул в мой «аквариум», вытащил рыбку – и к птенцу. Тот рот широко разинул: давай, мол, еду. А еду давать нетрудно, она тут же вот, рядом, только бери.

Сунул старый зимородок птенцу в рот пару рыбёшек. Смотрю, и малыш тоже начал вниз поглядывать. Глядел, глядел да как бросится! Цоп клювом рыбку, взлетел на удилище, голову вверх запрокинул, с таким аппетитом свою первую добычу глотает.

Теперь ему нечего ждать, когда его кто покормит, – сам научился рыбу ловить. Тут уж они вдвоём взялись за моих мальков, в один миг всех переловили.

А я ни с чем остался, ни одного окуня не поймал. Не беда, я доволен: разве часто увидишь такую картинку?

Лес уже сбросил листву. Дни наступили пасмурные, но тихие, без ветра, настоящие дни поздней осени. В такую пору хорошо надеть тёплую куртку, высокие сапоги, взять ружьё и отправиться на охоту.

Есть что-то особенно привлекательное в этих тусклых осенних днях. Идёшь по лесной тропинке среди молодых берёзок, дубов, осинок, среди кустов орешника. Кругом тишина – ни пения птиц, ни шороха листьев, только изредка упадёт на землю тяжёлый созревший жёлудь.

На голых сучьях повисли капли росы – следы ночного тумана. Природа как будто задумалась, будто ждёт прихода зимы, ждёт, когда мягкие хлопья снега укроют всю землю и нарядят в пушистую шубу голый, прозябший лес.

А пока что стоит он хмурый и прозрачный.

Далеко видно кругом сквозь тонкий узор облетевших веток.

Легко дышит осенней свежестью грудь, и невольно тянет идти всё дальше и дальше вперёд по влажной, укрытой жёлтой листвой тропинке. Идти и поглядывать по сторонам на последние, уцелевшие на ветвях бурые листья, на огромные, совсем разбухшие от старости и дождей грибы-шляпки и слушать, слушать до звона в ушах эту чуткую тишину осеннего леса.

Не раз приходилось бродить мне с ружьём в такие деньки, разыскивать с помощью моего друга Каро затаившихся под кустами длинноносых лесных куликов-вальдшнепов.

Поздняя осень – самое время для такой охоты. Готовясь к отлёту в южные страны, лесные длинноносики выбираются из глухой чащи на более открытые места: опушки, поляны. В эту пору вальдшнепов в наших лесах становится значительно больше. К местным птицам присоединяются ещё пролетающие из северных мест.

Пока стоят тёплые дни, вальдшнепы не торопятся улетать на юг и гостят у нас. В иные дни их бывает так много, что собака становится на стойку почти под каждым кустом. Осеннее скопление вальдшнепов у охотников называется высыпкой. Птицы и вправду как будто высыпали откуда-то и рассыпались по всему лесу. А пройдёт день-другой, и в тех же местах не найдёшь ни одного долгоносика: значит, уже улетели дальше к югу.

Летят вальдшнепы не днём, а ночью. Поэтому не увидишь, когда они успели исчезнуть из наших мест.

Так и со мной однажды случилось. Ещё накануне я попал на хорошую высыпку, а через день – хоть шаром покати – ни одного вальдшнепа не найду. Облазили мы с Каро все заветные уголки – пусто. Ничего не поделаешь, – значит, ночью отбыли. Так и пошли мы домой ни с чем.

Вышли на широкую просеку. Каро не спеша трусил впереди.

Вдруг пёс метнулся в сторону, будто кто-то невидимый дёрнул его за шею, метнулся и замер на стойке.

Я сразу понял: Каро с ходу почуял дичь. Это её манящий запах, как магнит, притянул к себе пса и заставил застыть на месте. Я приготовился к выстрелу.

– Вперёд!

Собака сделала шаг, другой и вновь замерла.

А птица всё не вылетает. Подхожу ближе.

– Ну, вперёд же!

Каро дрожит от волнения, припал на все четыре лапы, словно готовясь к прыжку, но не двигается.

– Да где ж она? Выгоняй скорее!

От возбуждения Каро совсем припал к земле.

Гляжу, прямо перед его мордой среди листвы какой-то пёстрый комочек. Вальдшнеп. Сидит и не шелохнётся. Собачий нос от него на четверть, не дальше.

Бедный старый Каро! Какие муки переживает он в эти секунды! Ведь прямо в нос ему ударяет крепчайший запах

дичи. Каро не только чувствует, он видит дичь. Глаза его широко раскрыты и устремлены в одну точку. Из открытого рта вырывается порывистое дыхание. А вальдшнеп сидит всё так же неподвижно, будто неживой.

Я наклоняюсь, протягиваю к птице руку.

Пёстрый комочек вмиг оживает. Птица вскакивает и неуклюже бежит в кусты. Тут Каро не выдерживает. Прыжок – и носатый беглец уже схвачен.

Но ведь это же преступление, преступление против собачьей науки: схватить дичь без разрешения хозяина!

Каро и сам чувствует всю тяжесть такого проступка. Он виновато глядит на меня, виляет хвостом, но вальдшнепа не выпускает. Каро держит его во рту так осторожно, что не придавит, не сомнёт ни одного перышка.

– Что же ты наделал? – с напускной суровостью говорю я. – Ай-яй-яй! Давай-ка его сюда!

Пёс сразу чувствует, что я не очень сержусь, – значит, всё хорошо. Он подбегает ко мне, суёт в руки свою добычу.

Я беру вальдшнепа и внимательно осматриваю. «Почему же он не взлетел? Может, повреждены крылья? Нет, всё в порядке. И не больной. Ишь какой толстый, прямо весь налитой. В чём же тут дело?»

На груди у птицы перья взъерошены. Осторожно раздвигаю их. На теле синий кровоподтёк, как от ушиба. Скорее всего, на лету вальдшнеп обо что-то сильно ударился.

Я оглядываюсь по сторонам. Вдоль просеки тянутся телеграфные провода. Вот и разгадка. О такие провода в тёмные ночи нередко разбиваются перелётные птицы. Я ещё раз осматриваю своего пленника. Кости целы, значит, только ушибся. Это скоро пройдёт.

Я решил на день-другой взять носатого путешественника к себе на дачу. Пусть посидит, пока оправится, а то здесь, в лесу, его мигом разыщет лисица.

Принёс я вальдшнепа и посадил в просторный фанерный ящик, сверху закрыл мягким платком, чтобы он головку себе не разбил, если начнёт взлетать и биться. Но вальдшнеп оказался на редкость спокойным. То ли он от ушиба ещё не оправился, то ли уж такой непугливый попался.

В ящик я поставил поилку с водой, настелил моху и побольше сырой опавшей листвы – целую кучу из леса принёс. В листве всякие червячки, жучки, личинки водятся. Вальдшнепы их всегда оттуда добывают, этим питаются. Я постарался создать своему носатику привычную для него обстановку.

В первый день он ничего не ел, не пил, всё в уголке сидел нахохлившись. А на второй день начал по ящику расхаживать. Заглянул я в щёлочку: вижу – бродит мой вальдшнеп по листьям, степенно так расхаживает. Потом запустил в них клюв и ну давай в листве копать. Что-то нашёл, съел и вновь за своё принялся. Комично так у него получается. Нос длинный, прямой, он им, как палочкой,

листву ворошит. Вот опять схватил что-то. Гляжу – вытащил червяка, хотел проглотить, приподнял голову, а на носу лист нанизан. Как тут быть? И червяка упустить не хочется, и лист с носа не сбросишь. Потряс головой – ничего не выходит. Потом опустил клюв, наступил лапой на лист, сразу стащил, а червяка всё же не отпустил – съел его. Видно, дело на поправку пошло.

Ещё денёк продержал я в ящике крылатого пациента, а потом посадил в кошёлку и в лес отнёс.

Несу, а сам думаю: «Полетит или нет? Может быть, у него что-нибудь в мускулах повреждено? Ну что же, если не полетит, пусть тогда живёт у меня в ящике. Только какая же это жизнь для лесной вольной птицы?»

Принёс своего носатика на поляну, открыл кошёлку: «Лети куда хочешь!»

Вальдшнеп долго мешкать не стал – взмахнул крыльями и полетел. Так и замелькал среди тонких голых берёзок.

А я ему вслед:

– Прощай, носатик! Вперёд осторожней будь, на проволоку не налетай. Да ещё вот что запомни: не попадайся мне под ружьё. Лежачего я не бью, а уж коли взлетел, тогда держись!

Сошлись как-то вместе четыре волшебника-живописца: Зима, Весна, Лето и Осень; сошлись да и заспорили: кто из них лучше рисует? Спорили-спорили и порешили в судьи выбрать Красное Солнышко: «Оно высоко в небе живёт, много чудесного на своём веку повидало, пусть и рассудит нас».

Согласилось Солнышко быть судьёй. Принялись живописцы за дело. Первой вызвалась написать картину Зимушка-Зима.

«Только Солнышко не должно глядеть на мою работу, – решила она. – Не должно видеть её, пока не закончу».

Растянула Зима по небу серые тучи и ну давай покрывать землю свежим пушистым снегом! В один день всё кругом разукрасила.

Побелели поля и пригорки. Тонким льдом покрылась река, притихла, уснула, как в сказке.

Ходит зима по горам, по долинам, ходит в больших мягких валенках, ступает тихо, неслышно. А сама поглядывает по сторонам – то тут, то там свою волшебную картину исправит.

Вот бугорок среди поля, с него проказник ветер взял да и сдул белую шапку. Нужно её снова надеть. А вон меж кустов серый зайчишка крадётся. Плохо ему, серенькому: на белом снегу сразу заметит его хищный зверь или птица, никуда от них не спрячешься.

«Оденься и ты, косой, в белую шубку, – решила Зима, – тогда уж тебя на снегу не скоро заметишь».

А Лисе Патрикеевне одеваться в белое незачем. Она в глубокой норе живёт, под землёй от врагов прячется. Её только нужно покрасивее да потеплее нарядить.

Чудесную шубку припасла ей Зима, просто на диво: вся ярко-рыжая, как огонь горит! Поведёт лиса пушистым хвостом, будто искры рассыплет по снегу.

Заглянула Зима в лес. «Его-то уж я так разукрашу, что Солнышко zalюбуется!»

Обрядила она сосны и ели в тяжёлые снеговые шубы; до самых бровей нахлобучила им белоснежные шапки; пуховые варежки на ветки надела. Стоят лесные богатыри друг возле друга, стоят чинно, спокойно.

А внизу под ними разные кустики да молоденькие деревца укрылись. Их, словно детишек, Зима тоже в белые шубки одела.

И на рябинку, что у самой опушки растёт, белое покрывало наинула. Так хорошо получилось! На концах ветвей у рябины грозди ягод висят, точно красные серьги из-под белого покрывала виднеются.

Под деревьями Зима расписала весь снег узором разных следов и следочков. Тут и заячий след: спереди рядом два больших отпечатка лап, а позади – один за другим – два маленьких; и лисий – будто по ниточке выведен: лапка в лапку, так цепочкой и тянется; и серый волк по лесу пробежал, тоже свои отпечатки оставил. А вот медвежьего

следа нигде не видать, да и не мудрено: устроила Зимушка-Зима Топтыгину в чаще леса уютную берлогу, сверху укрыла мишеньку толстым снеговым одеялом: спи себе на здоровье! А он и рад стараться – из берлоги не вылезает. Поэтому медвежьего следа в лесу и не видать.

Но не одни только следы зверей виднеются на снегу. На лесной полянке, там, где торчат зелёные кустики брусники, черники, снег, будто крестиками, истоптан птичьими следочками. Это лесные куры – рябчики и тетерева – бегали здесь по полянке, склёвывали уцелевшие ягоды.

Да вот они и сами: чёрные тетерева, пёстрые рябчики и тетёрки. На белом снегу как все они красивы!

Хороша получилась картина зимнего леса, не мёртвая, а живая! То серая белка перескочит с сучка на сучок, то пёстрый дятел, усевшись на ствол старого дерева, начнёт выколачивать семена из сосновой шишки. Засунет её в расщелину и ну клювом по ней колотить!

Живёт зимний лес. Живут заснеженные поля и долины. Живёт вся картина седой чародейки – Зимы. Можно её и Солнышку показать.

Раздвинуло Солнышко сизую тучку. Глядит на зимний лес, на долины... А под его ласковым взглядом всё кругом ещё краше становится.

Вспыхнули, засветились снега. Синие, красные, зелёные огоньки зажглись на земле, на кустах, на деревьях. А подул ветерок, стряхнул иней с ветвей, и в воздухе тоже заискрились, заплясали разноцветные огоньки.

Чудесная получилась картина! Пожалуй, лучше и не нарисуешь.

Любуется Солнышко картиной Зимы, любуется месяц, другой – глаз от неё оторвать не может.

Всё ярче сверкают снега, всё радостнее, веселее кругом. Уж и сама Зима не в силах выдержать столько тепла и света. Приходит пора уступить место другому художнику.

«Ну что ж, поглядим, сумеет ли он написать картину краше моей, – ворчит Зима. – А мне пора и на отдых».

Приступил к работе другой художник – Весна-Красна. Не сразу взялась она за дело. Сперва призадумалась: какую бы ей картину нарисовать?

Вот стоит перед ней лес – хмурый, унылый.

«А дай-ка я разукрашу его по-своему, по-весеннему!»

Взяла она тонкие, нежные кисточки. Чуть-чуть тронула зеленью ветви берёз, а на осины и тополя поразвесила длинные розовые и серебряные серёжки.

День за днём всё наряднее пишет свою картину Весна.

На широкой лесной поляне синей краской вывела она большую весеннюю лужу. А вокруг неё, будто синие брызги, рассыпала первые цветы подснежника, медуницы.

Ещё рисует день и другой. Вот на склоне оврага кусты черёмухи; их ветки покрыла Весна мохнатыми гроздьями белых цветов. И на лесной опушке, тоже все белые, будто в снегу, стоят дикие яблони, груши.

Посреди луговины уже зеленеет трава. А на самых сырых местах, как золотые шары, распустились цветы калужницы.

Всё оживает кругом. Почуя тепло, выползают из разных щёлок букашки и паучки. Майские жуки загудели возле зелёных берёзовых веток. Первые пчёлы и бабочки летят на цветы.

А сколько птиц в лесу и в полях! И для каждой из них Весна-Красна придумала важное дело. Вместе с птицами строит Весна уютные гнёздышки.

Вот на сучке берёзы, возле ствола, – гнездо зяблика. Оно как нарост на дереве – сразу и не заметишь. А чтобы сделать его ещё незаметнее, в наружные стенки гнезда вплетена белая берёзовая шкурка. Славное получилось гнёздышко!

Ещё лучше гнездо у иволги. Точно плетёная корзиночка, подвешено оно в развилке ветвей.

А длинноносый красавец зимородок смастерил свой птичий домик в обрывистом берегу реки: выкопал клювом норку, в ней и устроил гнёздышко; только выстлал его внутри не пухом, а рыбьими косточками и чешуёй. Недаром же зимородка искуснейшим рыболовом считают.

Но, конечно, самое замечательное гнёздышко придумала Весна-Красна для одной маленькой рыжеватой птички. Висит над ручьём на гибкой ольховой ветке бурая рукавичка. Соткана рукавичка не из шерсти, а из тонких растений. Соткали её своими клювами крылатые рукодельницы – птички, по прозвищу ремезы. Только большой палец у рукавички птицы не довязали; вместо него дырочку оставили – это вход в гнездо.

И много ещё других чудесных домишек для птиц и зверей придумала затейница Весна!

Бегут дни за днями. Неузнаваема стала живая картина лесов и полей.

А что это копошится в зелёной траве? Зайчата. Им отроду всего только второй день, но какие уже молодцы: во все стороны поглядывают, усами поводят; ждут свою мать-зайчиху, чтобы их молоком накормила.

Этими малышами и решила Весна-Красна закончить свою картину. Пусть Солнышко поглядит на неё да порадует, как всё оживает кругом; пусть рассудит: можно ли написать картину ещё веселее, ещё наряднее?

Выглянуло Солнышко из-за синей тучки, выглянуло и залюбовалось. Сколько оно по небу ни хаживало, сколько дива-дивного не видывало, а такой красоты ещё никогда не встречало. Смотрит оно на картину Весны, глаз оторвать не может. Смотрит месяц, другой...

Давно уже отцвели и осыпались белым снегом цветы черёмухи, яблонь и груш; давно уже на месте прозрачной весенней лужи зеленеет трава; в гнёздах у птиц вывелись и покрылись пёрышками птенцы; крохотные зайчата уже стали молодыми шустрыми зайцами...

Уж и сама Весна не может узнать своей картины. Что-то новое, незнакомое появилось в ней. Значит, пришла пора уступить своё место другому художнику-живописцу.

«Погляжу, нарисует ли этот художник картину радостней, веселей моей, – говорит Весна. – А потом полечу на север, там ждут меня не дождутся».

Приступило к работе Жаркое Лето. Думает, гадает, какую бы ему картину нарисовать, и решило: «Возьму-ка я краски попроще, да зато посочнее». Так и сделало.

Сочной зеленью расписало Лето весь лес; зелёной краской покрыло луга и горы. Только для речек и для озёр взяло прозрачную, ярко-синюю.

«Пусть, – думает Лето, – в моей картине всё будет спелым, созревшим». Заглянуло оно в старый фруктовый сад, поразвесило на деревьях румяные яблоки, груши, да так постаралось, что даже ветви не выдержали – наклонились до самой земли.

В лесу под деревьями, под кустами рассадило Лето много-много разных грибов. Каждому грибку своё место облюбовало.

«Пускай в светлом березняке, – решило Лето, – растут

подберёзовики с серыми корешками в коричневых шапочках, а в осиннике – подосиновики». Их нарядило Лето в оранжевые и жёлтые шапочки.

Немало ещё самых различных грибов появилось в тенистом лесу: сыроежки, волнушки, маслята... А на полянах, будто цветы расцвели, раскрыли свои ярко-красные зонтики мухоморы. Но самым лучшим грибом оказался гриб-боровик. Вырос он в сосновом бору, вылез из влажного зелёного моха, приподнялся немного, стряхнул с себя увядшие жёлтые иглы, да таким красавцем вдруг стал – всем грибам на зависть, на удивление.

Вокруг него зелёные кустики брусники, черники растут, все они ягодами покрыты. У брусники ягодки красные, а у черники – тёмно-синие, почти чёрные.

Окружили кустики гриб-боровик. А он стоит среди них такой коренастый, крепкий, настоящий лесной богатырь.

Смотрит Жаркое Лето на свою картину, смотрит и думает: «Что-то мало ягод в лесу у меня. Нужно прибавить». Взяло оно да весь склон лесного оврага и разукрасило густыми кустами малины.

Весело зеленеют кусты. А уж до чего хороши на них ягоды – крупные, сладкие, так сами в рот и просятся! Забрались в малинник медведица с медвежатами, никак от вкусных ягод оторваться не могут.

Хорошо в лесу! Кажется, и не ушёл бы отсюда.

Но художник Жаркое Лето спешит, торопится, везде ему побывать нужно.

Заглянуло Лето в поле, покрыло колосья пшеницы и ржи тяжёлой позолотой.

Стали поля хлебов жёлтыми, золотистыми; так и клонятся на ветру спелым колосом.

А на сочных лугах затеяло Лето весёлый сенокос: в душистые копны сена улеглись полевые цветы, спрятали в зелёный ворох травы свои разноцветные головки и задремали там.

Зелёные копны сена в лугах; золотые поля хлебов; румяные яблоки, груши в саду... Хороша картина Жаркого Лета! Можно её и Красному Солнышку показать.

Выглянуло Солнышко из-за сизой тучки, смотрит, любит. Ярко, радостно всё кругом. Так и не отводило бы глаз от сочной зелени тёмного леса, от золотистых полей, от синей глади рек и озёр. Любуется Солнышко месяц, другой. Хорошо нарисовано!

Только вот беда: день ото дня листва на кустах и деревьях тускнеет, вянет, и вся картина Жаркого Лета становится не такой уже сочной. Видно, приходит пора уступить своё место другому художнику.

Как-то справится он со своей работой? Нелегко ему будет нарисовать картину лучше тех, что уже показали Солнышку Зимушка-Зима, Весна-Красна и Жаркое Лето.

Но Осень и не думает унывать.

Для своей работы взяла она самые яркие краски и прежде всего отправилась с ними в лес. Там и принялась за свою картину.

Берёзы и клёны покрыла Осень лимонной желтизной. А листья осинки разрумянила, будто спелые яблоки. Стал осинник весь ярко-красный, весь как огонь горит.

Забрела Осень на лесную поляну. Стоит посреди неё столетний дуб-богатырь, стоит, густой листвой потряхивает.

«Могучего богатыря нужно в медную кованую броню одеть». Так вот и обрядила старика.

Глядит, а неподалёку, с краю поляны, густые, развесистые липы в кружок собрались, ветви вниз опустили. «Им больше всего подойдёт тяжёлый убор из золотой парчи».

Все деревья и даже кусты разукрасила Осень по-своему, по-осеннему: кого в жёлтый наряд, кого в ярко-красный... Одни только сосны да ели не знала она, как разукрасить. У них ведь на ветках не листья, а иглы, их и не разрисуешь. Пусть как были летом, так и останутся.

Вот и остались сосны да ели по-летнему тёмно-зелёными. И от этого ещё ярче, ещё наряднее сделался лес в своём пёстром осеннем уборе.

Отправилась Осень из леса в поля, в луга. Убрала с полей золотые хлеба, свезла на гумна, а в лугах душистые копны сена сметала в высокие, словно башни, стога.

Опустели поля и луга, ещё шире, просторнее стали. И потянулись над ними в осеннем небе косяки перелётных птиц: журавлей, гусей, уток... А там, глядишь, высоко-высоко, под самыми облаками, летят большие белоснежные птицы – лебеди; летят, машут крыльями, словно платками, шлют прощальный привет родным местам.

Улетают птицы в тёплые страны. А звери по-своему, по-звериному, к холодам готовятся.

Колючего ёжика Осень загоняет спать под ворох сучьев, барсука – в глубокую нору, медведю стелет постель из опавших листьев. А вот белочку учит сушить на сучьях грибы, собирать в дупло спелые орехи. Даже нарядную сизокрылую птицу – сойку заставила проказница Осень набрать полон рот желудей и запрятать их на полянке в мягкий зелёный мох.

Осенью каждая птица, каждый зверёк хлопочут, к зиме готовятся, некогда им даром время терять.

Спешит, торопится Осень, всё новые и новые краски находит она для своей картины. Серыми тучами покрывает небо. Смывает холодным дождём пёстрый убор листвы. И на тонкие телеграфные провода вдоль дороги, будто

чёрные бусы на нитку, сажает она вереницу последних отлетающих ласточек.

Невесёлая получилась картина. Но зато есть и в ней что-то хорошее.

Довольна Осень своей работой, можно её и Красному Солнышку показать.

Выглянуло Солнышко из-за сизой тучки, и под его ласковым взглядом сразу повеселела, заулыбалась хмурая картина Осени.

Словно золотые монетки, заблестели на голых сучьях последние листья берёз. Ещё синее стала река, окаймлённая жёлтыми камышами, ещё прозрачней и шире – заречные дали, ещё бескрайней – просторы родной земли.

Смотрит Красное Солнышко, глаз оторвать не может. Чудесная получилась картина, только кажется, будто что-то в ней не закончено, будто ждут чего-то притихшие, омытые осенним дождём поля и леса. Ждут не дождутся голые ветви кустов и деревьев, когда придёт новый художник и оденет их в белый пушистый убор.

А художник этот уже недалеко. Уже настаёт черёд Зимухе-Зиме новую картину писать.

Так и трудятся по очереди четыре волшебника-живописца: Зима, Весна, Лето и Осень. И у каждого из них по-своему хорошо получается. Никак Солнышко не решит, чья же картина лучше. Кто наряднее разукрасил поля, леса и луга? Что красивее: белый сверкающий снег или пёстрый ковёр весенних цветов, сочная зелень Лета или жёлтые, золотистые краски Осени?

А может быть, всё хорошо по-своему? Если так, тогда волшебникам-живописцам и спорить не о чем; пусть себе каждый из них рисует картину в свой черёд. А мы посмотрим на их работу да полюбуемся.

МИТИНЫ ДРУЗЬЯ

Зимой, в декабрьскую стужу, лосиха с лосёнком ночевали в густом осиннике. Начало светать. Порозовело небо, а лес, засыпанный снегом, стоял весь белый, притихший. Мелкий блестящий иней оседал на ветви, на спины лосей. Лоси дремали.

Вдруг где-то совсем близко послышался хруст снега. Лосиха насторожилась. Что-то серое мелькнуло среди заснеженных деревьев. Один миг – и лоси уже мчались прочь, ломая ледяную кору наста и увязая по колени в глубоком снегу. Следом за ними гнались волки. Они были легче лосей и скакали по насту не проваливаясь. С каждой секундой звери всё ближе и ближе.

Лосиха уже не могла бежать. Лосёнок держался возле

матери. Ещё немного – и серые разбойники нагонят, разорвут обоих.

Впереди – поляна, плетень возле лесной сторожки, широко раскрытые ворота.

Лоси остановились: куда деваться? Но сзади, совсем рядом, послышался хруст снега – волки настигали. Тогда лосиха, собрав остаток сил, бросилась прямо в ворота, лосёнок – за ней.

Сын лесника Митя разгребал во дворе снег. Он еле отскочил в сторону – лоси чуть не сбили его с ног.

Лоси!.. Что с ними, откуда они?

Митя подбежал к воротам и невольно отшатнулся: у самых ворот – волки.

Дрожь пробежала по спине мальчика, но он тут же замахнулся лопатой и закричал:

– Вот я вас!

Звери шарахнулись прочь.

– Ату, ату!.. – кричал им вдогонку Митя, выскакивая за ворота.

Отгнав волков, мальчик заглянул во двор.

Лосиха с лосёнком стояли, забившись в дальний угол, к сараю.

– Ишь как испугались, дрожат всё... – ласково сказал Митя. – Не бойтесь. Теперь не тронут.

И он, осторожно отойдя от ворот, побежал домой – рассказать, какие к ним во двор примчались гости.

А лоси постояли во дворе, оправившись от испуга и ушли обратно в лес. С тех пор они всю зиму так и держались в лесу возле сторожки.

Утром, идя по дороге в школу, Митя часто издали видел лосей на лесной опушке.

Заметив мальчика, они не бросались прочь, а только внимательно следили за ним, насторожив свои огромные уши.

Митя весело кивал им головой, как старым друзьям, и бежал дальше, в село.

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак её догнать нельзя было – ото всех увёртывается. Погонится за ней пятнашка, а она туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится да как пустится лететь – только крылышки мелькают.

Вдруг, откуда ни возьмись, Чеглок-сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все врассыпную, кто куда – мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро.

Очень уж страшной пятнашкой был Чеглок-сокол. Летела, летела Береговушка – из сил выбилась.

Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Только не своя – чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха!

А уж вечер был, ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берег и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо неё по песку маленькая жёлтая птичка с чёрным галстучком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у жёлтой птички:

– Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

– А ты чья? – спрашивает жёлтая птичка.

– Не знаю, – отвечает Береговушка.

– Трудно же будет тебе свой дом разыскать, – говорит жёлтая птичка. – Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуёк. А дом у меня вот тут, рядом.

Зуёк отбежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

– Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка – кругом песок да галька, а дома никакого нет.

– Неужели не видишь? – удивился Зуёк. – Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке, среди гальки.

– Ну, что же ты? – спрашивает Зуёк. – Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, – ещё хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

– Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилочки...

– Жаль, что не привыкла, – говорит Зуёк. – Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя, по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

– Вот спасибо! – обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там скоро отыскивала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

– Ночуй, если тебе моя хата нравится, – говорит Витютень.

А какая у Витютня хата! Один пол, да и тот как решето – весь в дырках. Просто прутьики на ветви накиданы как попало. На прутьиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно – просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

– У вашего дома, – говорит она Витютню, – один пол, даже стен нет. Как же в нём спать?

– Что же, – говорит Витютень, – если тебе нужен дом со стенами, лети разыщи Иволгу. У неё тебе понравится.

И Витютень рассказал Береговушке, как найти Иволгин дом: в роще, на самой красивой берёзе.

Полетела Береговушка в рощу. А в роще берёзы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот наконец увидела: висит на берёзовой ветке крошечный, лёгкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький! подумала Береговушка. – Даже мне в нём не поместиться».

Только она хотела постучаться, вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали – сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зелёной листвы.

Вот что-то золотое и чёрное блеснуло у неё перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с чёрными крыльями.

– Куда спешишь, маленькая? – кричит золотая птица Береговушке.

– Иволгин дом ищу, – отвечает Береговушка.

– Иволга – это я, – говорит золотая птица. – А дом мой вот здесь, на этой красивой берёзе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает. Сперва она ничего заметить не могла: всё только зелёные листья да белые берёзовые ветви.

А когда всмотрелась, так и ахнула.

Высоко над землёй к ветке подвешена лёгкая плетёная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затежливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой берёзовой кожурки.

– Ух, – говорит Береговушка Иволге, – ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, её ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

– Ступай к Пеночке, – обиженно говорит ей золотая Иволга. – Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у неё в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Жёлтая маленькая Пеночка жила в траве под той самой берёзой, где висела Иволгина воздушная колыбелька. Береговушке понравился её шалашик из сухой травы и мха.

«Вот славно-то! – радовалась она. – Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких пёрышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала её укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела. Береговушка встрепелась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

– Это кони в рощу скачут.

– А выдержит ваша крыша, – спрашивает Береговушка, – если конь на неё копытом наступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

– Ох как страшно тут! – сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. – Тут я всю ночь глаз не сомкну: всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

– Так, верно, у тебя такой дом, как у Чомги, – догадалась Пеночка. – У неё дом не на дереве – ветер его не сдует, да и не на земле – никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

– Хочу, – говорит Береговушка.

Полетели они к Чомге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавучий. Плыёт по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи – ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чомгины яйца, прикрытые лёгкими сухими тростиночками.

А сама Чомга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своём судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чомге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать,

– А ты не боишься спать на волнах? – спрашивает её Чомга.

– А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

– Мой дом не пароход, – говорит Чомга. – Куда ветер гонит его, туда он и плывёт. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

– Боюсь... – прошептала Береговушка. – Домой хочу, к маме...

Чомга рассердилась.

– Вот, – говорит, – какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чомга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит – тёплый, мягкий.

«Вот хороший дом, – думает она, – прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

– Впустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с жёлтыми зубами! Да как зарычит страшилище:

– С каких это пор птицы по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, сердце камнем упало. Отшатнулась прочь, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки – наутёк.

Летела, летела – из сил выбилась. Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, а место знакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт, своя река, родная.

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда – вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве – дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки.

В одну из них юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала её мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой, тёплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

ТРИ ВЕСНЫ

Зима лютая, она всё бы хотела заморозить насмерть — людей, зверей, птиц, деревья. И всех с голоду уморить. Но солнце — отец жизни — уже объявило ей войну и 21 марта перешло в решительное весеннее наступление.

В этот день оно ровно полсуток побыло на небе, разя врага своими лучами-стрелами. Другие полсуток — ночью — зима морозила землю, чинила свои разрушенные укрепления. Потом солнце всё дольше и дольше стало задерживаться на небе, день стал быстро расти, ночь уменьшаться, тепло прибывать. С каждым днём теперь солнце выше поднимается в небо, лучи его прямой падают на землю и сильней разят снег.

Первая победа — весна полевая.

Она началась, когда в полях показались первые проталины, освободилась первая земля. Обрадовались ей грачи, мигом примчались к нам. Потом — скворцы и полевые жаворонки.

Грачи рады, что могут ковырять носами поле, вытаскивать из потеплевшей земли проснувшихся червей, жучьих личинок. Скворцы ловят оживших насекомых, жаворонки собирают в поле зёрнышки.

Вслед за жаворонками прибыли с зимовок самцы-зяблики – и тоже пока кормятся на земле. А из куликов первыми прилетели красивые хохлатые чибисы – заняли ещё мокрые пашни, с которых поднимается уже тёплый пар.

Вторая победа – весна речная.

Ещё не кончилась весна полевая, не все ещё поля освободились от снега, а солнце повело уже новое наступление – на самые крепкие, ледяные укрепления зимы.

В полях отступает, бежит с них ручьями снег, спасается от солнца в овраги, под крепкий лёд реки. Не дремлют реки, копят силы в неволе. Вот понатужились и поднялись.

Будто пушка ухнула над рекой – треснул толстый лёд. Река вырвалась на волю, с громом и звоном понесла к морю льдины, кроша и разламывая их. Но не доплыть им до далёкого моря: по дороге солнце расстреляет их золотыми горячими своими стрелами.

Ждут не дождутся освобождения рек, озёр, прудов водяные птицы – утки, гуси, лебеди, чайки, гагары, речные и болотные кулики. Ведь в освобождённой воде будет им чем поживиться: проснулись в ней рыбы, разные насекомые, рачки, улитки, личинки и другая водная мелюзга.

А реки, освободившись от льда, поднимаются выше и выше. И будет скоро: выйдут из берегов своих, хлынут в луга, затопят долины, кустарники. Люди скажут: «Вот и паводок – весенний разлив. Напоит вода землю».

Это вторая великая победа солнца, вторая весна – весна речная.

В полях уже ни следа не останется от снега, реки начнут возвращаться в свои берега, а зима ещё всё не за

хочет сдаваться, всё ещё будет бросаться в контратаки — насыпать свои морозы-утренники. Последние разбитые отряды её снега ещё долго будут прятаться от солнца в лесу, по тенистым склонам оврагов.

Закукует кукушка, лес закутается зеленоватым туманцем, прилетят ласточки, с последним крепким морозцем белыми звёздочками зацветёт черёмуха. Все певчие птицы вернутся на родину, и бегом прибежит, прячась в зелёной, уже подросшей осоке, болотная курочка-погоньш.

Лес оденется. И соловей запоёт в цветущей, благоуханной сирени.

Это будет третьей решительной победой солнца над зимой. Это третья весна — весна лесная. Последняя: за ней наступит лето.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

БАРСУЧИЙ НОС

Озеро около берегов было засыпано ворохами жёлтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась чёрной, как дёготь.

Там мы ловили разноцветных окуней. Они бились и сверкали в траве, как сказочные японские петухи. Мы вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далёкие облака и синий густой воздух.

По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звёзды.

У нас на стоянке горел костёр. Мы жгли его весь день и ночь напролёт, чтобы отгонять волков, — они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоили дым костра и весёлые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве у костра начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей.

Картошка жарилась на сковороде, от неё шёл острый вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах.

С нами был маленький мальчик. Ему было всего девять лет, но он хорошо переносил ночёвки в лесу и холод осенних рассветов. Гораздо лучше нас, взрослых, он всё замечал и рассказывал.

Он был выдумщик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки. Мы никак не могли, да и не хотели доказывать ему, что он говорит неправду. Каждый день он придумывал что-нибудь новое: то он слышал, как шептались рыбы, то видел, как муравьи устроили себе паром через ручей из сосновой коры и паутины.

Мы делали вид, что верили ему.

Всё, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над чёрными озёрами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

Мальчик первый услышал фыркание зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустволке, — кто знает, что это мог быть за зверь!

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый чёрный нос, похожий на свиной пяточок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась острая морда с чёрными пронзительными глазами. Наконец показалась полосатая шкурка.

Из зарослей вылез маленький барсук. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он брезгливо фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало.

Мне хотелось крикнуть зверьку, что он обожжётся, но я опоздал: барсук прыгнул к сковородке и сунул в неё нос...

Запахло палёной кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение. Без времени зарорали испуганные лягушки, всполошились птицы, и у самого берега, как пушечный выстрел, ударила пудовая щука.

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам только что видел, как барсук лечит свой обожжённый нос. Я не поверил.

Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крякали утки, курлыкали журавли на сухих болотах – мшарах, плескались рыбы, тихо ворковали горлинки. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел доказать мне, что он не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук.

Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пень. От него тянуло грибами и йодом.

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пень и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожжённый нос.

Он стоял неподвижно и охлаждал свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок. Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лягался задними пушистыми лапами.

Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос.

Он как будто просил о помощи, но мы ничем не могли ему помочь.

Через год я встретил на берегах этого же озера барсука со шрамом на носу. Он сидел у воды и старался поймать лапой гремющих, как жесть, стрекоз. Я помахал ему рукой, но он сердито чихнул в мою сторону и спрятался в зарослях брусники.

С тех пор я его больше не видел.

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завёрнутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами...

– Ты что, одурел? – крикнул ветеринар. – Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

– А вы не лаяйтесь, это заяц особенный, – хриплым шёпотом сказал Ваня. – Его дед прислал, велел лечить.

– От чего лечить-то?

– Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

– Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком – деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

– Ты чего, малый? – спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. – Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

– Пожжённый он, дедушкин заяц, – сказал тихо Ваня. – На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

– Не умрёт, малый, – прошамкала Анисья. – Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл по дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

– Ты чего, серый? – тихо спросил Ваня. – Ты бы поел.

Заяц молчал.

– Ты бы поел, – повторил Ваня, и голос его задрожал. – Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес – надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховой вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

– Не то лошадь, не то невеста – шут их разберёт! – сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

– Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш – специалист по детским болезням – уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

– Это мне нравится! – сказал аптекарь. – Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался на месте. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

– Почтовая улица, три! – вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. – Три!

Дед с Ваней добрались до Почтовой улицы как раз вовремя – из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за Полями уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда. Через минуту Карл Петрович уже сердился.

– Я не ветеринар, – сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. – Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

– Что ребёнок, что заяц – всё одно, – упрямо пробормотал дед. – Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан,

благодарность оказывать должен, а ты говоришь – бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович – старик с седыми взъерошенными бровями, – волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно кричали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар – от него окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, лязгал зубами и отскакивал – воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше челове-

ка чувствуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед, – оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

– Да, – сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, – да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

– Чем же ты провинился?

– А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

Каждый раз, когда приближалась осень, начинались разговоры о том, что многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось. Зима у нас длинная, затяжная, лето гораздо короче зимы, а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы.

Разговоры наши любил слушать внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати. Он часто приходил к нам в деревню из дедовской сторожки с Урженского озера и приносил то кошёлку белых грибов, то решето брусники, а то прибегал просто так – погостить у нас, послушать разговоры и почитать журнал «Вокруг света».

Толстые переплетённые тома этого журнала валялись в чулане вместе с вёслами, фонарями и старым ульем. Улей был выкрашен белой клеевой краской. Она отваливалась от сухого дерева большими кусками, и дерево под краской пахло старым воском.

Однажды Ваня принёс маленькую, выкопанную с корнем берёзу. Корни он обложил сырым мхом и обернул рогожей.

– Это вам, – сказал он и покраснел. – Подарок. Посадите её в деревянную кадку и поставьте в тёплой комнате – она всю зиму будет зелёная.

– Зачем ты её выкопал, чудак? – спросил Рувим.

– Вы же говорили, что вам жалко лета, – ответил Ваня. – Дед меня и надоумил. «Сбегай, говорит, на прошлогоднюю гарь, там берёзы-двухлетки растут, как трава, – прохожу от них нет никакого. Выкопай и отнеси Руму Исаевичу (так дед называл Рувима). Он о лете беспокоится, вот и будет ему на студеную зиму летняя память. Оно, конечно, весело поглядеть на зелёный лист, когда на дворе снег валит, как из мешка».

– Я не только о лете, я ещё больше об осени жалею, – сказал Рувим и потрогал тоненькие листья берёзы.

Мы принесли из сарая ящик, насыпали его доверху землёй и пересадили в него маленькую берёзу. Ящик поставили в самой светлой и тёплой комнате у окна, и через день опустившиеся ветки берёзы поднялись, вся она повеселела, и даже листья у неё уже шумели, когда сквозной ветер врвался в комнату и в сердцах хлопал дверью.

В саду поселилась осень, но листья нашей берёзы оставались зелёными и живыми. Горели тёмным пурпуром клёны, порозовел бересклет, ссыхался дикий виноград на беседке. Даже кое-где на берёзах в саду появились жёлтые пряди, как первая седина у ещё нестарого человека. Но берёза в комнате, казалось, всё молодела. Мы не замечали у неё никаких признаков увядания.

Как-то ночью пришёл первый заморозок. Он надышал холодом на стёкла в доме, и они запотели, посыпал зернистым инеем крыши, захрустел под ногами. Одни только звёзды как будто обрадовались первому морозу и сверкали гораздо ярче, чем в тёплые летние ночи. В эту ночь я проснулся от протяжного и приятного звука – пастуший рожок пел в темноте. За окнами едва заметно голубела зоря.

Я оделся и вышел в сад. Резкий воздух обмыл лицо холодной водой – сон сразу прошёл. Разгорался рассвет. Синева на востоке сменилась багровой мглой, похожей на дым пожара. Мгла эта светлела, делалась всё прозрачнее, сквозь неё уже были видны далёкие и нежные страны золотых и розовых облаков.

Ветра не было, но в саду всё падали и падали листья. Берёзы за одну эту ночь пожелтели до самых верхушек, и листья осыпались с них частым и печальным дождём.

Я вернулся в комнаты; в них было тепло, сонно. В бледном свете зари стояла в кадке маленькая берёза, и я вдруг заметил – почти вся она за эту ночь пожелтела, и несколько лимонных листьев уже лежало на полу.

Комнатная теплота не спасла берёзу. Через день она

облетела вся, как будто не хотела отставать от своих взрослых подруг, осыпавшихся в холодных лесах, рощах, на сырых по осени просторных полянах.

Ваня Малявин, Рувим и все мы были огорчены. Мы уже свыклись с мыслью, что в зимние снежные дни берёза будет зеленеть в комнатах, освещённых белым солнцем и багровым пламенем весёлых печей. Последняя память о лете исчезла.

Знакомый лесничий усмехнулся, когда мы рассказали ему о своей попытке спасти зелёную листву на берёзе.

– Это закон, – сказал он. – Закон природы. Если бы деревья не сбрасывали на зиму листья, они бы погибали от многих вещей – от тяжести снега, который нарастал бы на листьях и ломал самые толстые ветки, и от того, что к осени в листве накапливалось бы много вредных для дерева солей, и, наконец, от того, что листья продолжали бы и среди зимы испарять влагу, а мёрзлая земля не давала бы её корням дерева, и дерево неизбежно погибло бы от зимней засухи, от жажды.

А дед Митрий, по прозвищу «Десять процентов», узнав об этой маленькой истории с берёзой, истолковал её по-своему.

– Ты, милоч, – сказал он Рувиму, – поживи с моё, тогда и спорь. А то ты со мной всё споришь, а видать, что умом пораскинуть у тебя ещё времени не хватило. Нам, старым, думать способнее, у нас заботы мало – вот и прикидываем, что к чему на земле притёсано и какое имеет объяснение. Взять, скажем, эту берёзу. Ты мне про лесничего не говори, я наперёд знаю всё, что он скажет. Лесничий мужик хитрый, он когда в Москве жил, так, говорят, на электрическом току пищу себе готовил. Может это быть или нет?

– Может, – ответил Рувим.

– «Может, может»! – передразнил его дед. – А ты этот электрический ток видал? Как же ты его видал, когда он видимости не имеет, вроде как воздух? Ты про берёзу

слушай. Промеж людей есть дружба или нет? То-то, что есть. А люди заносятся. Думают, что дружба им одним дадена, чванятся перед всяким живым существом. А дружба – она, брат, кругом, куда ни глянешь. Уж что говорить, корова с коровой дружит и зяблик с зябликом. Убей журавля, так журавлиха исчахнет, исплachtetся, места себе не найдёт. И у всякой травы и дерева тоже, надо быть, дружба иногда бывает. Как же твоей берёзе не облететь, когда все её товарки в лесах облетели? Какими глазами она весной на них взглянет, что скажет, когда они зимой исстрадались, а она грелась у печки, в тепле, да в сытости, да в чистоте? Тоже совесть надо иметь.

– Ну это ты, дед, загнул, – сказал Рувим. – С тобой не столкнешься.

Дед захихикал.

– Ослаб? – спросил он язвительно. – Сдаёшься? Ты со мной не заводись – бесполезное дело.

Дед ушёл, постукивая палкой, очень довольный, уверенный в том, что победил в этом споре нас всех и заодно с нами и лесничего.

Берёзу мы высадили в сад, под забор, а её жёлтые листья собрали и засушили между страниц «Вокруг света».

Этим и кончилась наша попытка сохранить зимой память о лете.

Серия «Школьная библиотека»

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Для среднего школьного возраста

Художник

Черноглазов Владимир Юрьевич

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск Л.Г.Ким

Подписано в печать 23.10.2012.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 6.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 20 000 экз. Заказ № 3869.

Издательство «Самовар»
125047, Москва, ул. Александра Невского, д. 1

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

© Г.А.Скребицкий, наследники, текст.
© В.В.Бианки, наследники, текст.
© К.Г.Паустовский, наследники, текст.
© Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.
© РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ISBN 978-5-9781-0316-8

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Владимир Черноглазов

9 785978 103168 >